

Научная статья / Research Article

УДК 904(571.56)»16»

[https://doi.org/10.14258/tmai\(2025\)37\(1\).-03](https://doi.org/10.14258/tmai(2025)37(1).-03)

EDN: OVOOJZ

ОКТЁМСКОЕ КОЛЛЕКТИВНОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ XVII ВЕКА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЯКУТИИ (ПУБЛИКАЦИЯ МАТЕРИАЛОВ MAFSO 2016 ГОДА)

Артем Анатольевич Иванов¹, Николай Сергеевич Кирьянов^{2*}

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия; Арктический научно-исследовательский центр РС(Я), Якутск, Россия;

Ivanov.artem8@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-6799-9615>

²Якутархеология, Якутск, Россия;

ns_kiryanov@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4040-482X>

*Автор, ответственный за переписку

Резюме: Статья посвящена подробной публикации материалов Октёмского коллективного захоронения XVII в. из семи человек, обнаруженного в 2016 г. в Хангаласском районе Республики Саха (Якутия) совместной франко-российской археологической экспедицией MAFSO. В захоронении находились взрослый мужчина 30–35 лет, пятеро детей (от 1 года до 8 лет) и подросток 12 лет, скончавшихся, вероятно, в результате некой болезни эпидемического характера (например, оспы). По характеру погребальной конструкции, одежды и сопроводительного инвентаря захоронение определено датируется первой половиной либо серединой XVII в. В захоронении также обнаружены вырезанные на дереве уникальные рисунки шамана и всадника на лошади, чего ранее не отмечалось. Памятник относится к числу немногочисленных коллективных захоронений в Якутии и является только шестым обнаруженным из более чем 400 якутских погребений XVII–XIX вв., открытых с 1888 г. по сегодняшний день. По составу погребального комплекса сделан вывод, что аналогичные захоронения представляют собой в большей степени исключение из общего правила якутской погребальной традиции, чем сложившуюся практику.

Ключевые слова: Центральная Якутия, Хангаласский район, Октёмы, коллективное погребение, XVII век, якуты, MAFSO

Благодарности: авторы благодарят весь коллектив экспедиции MAFSO и ее руководителей — доктора исторических наук, профессора А.Н. Алексеева и профессора антропологии и археологии Э. Крюбези, а также директора Музея археологии и этнографии СВФУ Л.Л. Алексееву за предоставленную возможность публикации данных материалов.

Для цитирования: Иванов А.А., Кирьянов Н.С. Октёмское коллективное захоронение XVII века в Центральной Якутии (публикация материалов MAFSO 2016 года) // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, №1. С. 46–71. [https://doi.org/10.14258/tmai\(2025\)37\(1\).-03](https://doi.org/10.14258/tmai(2025)37(1).-03)

THE OKTYOMSKOE COLLECTIVE BURIAL OF THE 17TH CENTURY IN CENTRAL YAKUTIA (PUBLICATION OF MAFSO MATERIALS IN 2016)

Artem A. Ivanov¹, Nikolay S. Kiryanov^{2*}

¹Altai State University, Barnaul, Russia; Arctic Research Center of the Republic of Sakha (Yakutia), Yakutia, Russia; Ivanov.artem8@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-6799-9615>

²Yakutarchaeology Ltd., Yakutia, Russia;
ns_kiryanov@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4040-482X>

*Corresponding Author

Abstract: The article is devoted to the detailed publication of the materials of the Oktyomskoe collective burial of the 17th century of seven people, discovered in 2016 in the Khangalassky district of the Republic of Sakha (Yakutia) by the joint Franco-Russian archaeological expedition MAFSO. There was adult man aged 30–35, five children (from 1 to 8 years old) and teenager aged 12 who died, probably as a result of some kind of epidemic disease (for example, smallpox). By the nature of the burial structure, clothing and accompanying equipment, the burial definitely dates from the 1st half or the middle of the 17th century. Unique drawings of a shaman and a horseman carved on wood were also found in the burial, which had not been previously noted. The site is one of the few collective burials in Yakutia and is only the sixth discovered out of more than 400 Yakut burials of the 17th–19th centuries, discovered from 1888 to the present day. Based on the composition of the burial complex, it was concluded that similar burials represent more of an exception to the general rule of the Yakut burial tradition than an established practice.

Keywords: Central Yakutia, Khangalassky district, Oktyomtsy, collective burial, 17th century, Yakuts, MAFSO

Acknowledgements: the authors would like to thank the entire team of the MAFSO expedition and its leaders, Doctor of Historical Sciences, Professor A.N. Alekseev and Professor of Anthropology and Archaeology E. Crubezy, as well as the director of the NEFU Museum of Archaeology and Ethnography, L.L. Alekseeva, for the opportunity to publish these materials.

For citation: Ivanov A.A., Kiryanov N.S. The Oktyomskoe Collective Burial of the 17th Century in Central Yakutia (publication of MAFSO materials in 2016). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(1):46–71. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-03](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-03)

B ведение

Октёмское коллективное захоронение XVII в. из семи человек обнаружено и изучено совместной франко-российской археологической экспедицией — MAFSO (фр. *Mission Archéologique Française en Sibérie Orientale*)¹³ Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (г. Якутск, Россия) и Университета III г. Тулузы им. Поля Сабатье (г. Тулуза, Франция) в Октёмском¹⁴ наслеге Хангаласского района Центральной Якутии в 2016 г. (*Rapport..., 2016*). По целому ряду причин это уникальное захоронение долгое время не было должным образом опубликовано и, как следствие, не вошло, например, в такой итоговый фундаментальный труд, как «История Якутии» (2020). Частично же памятник уже затронут в работах В.В. Попова (2018,

¹³ Известная также как «саха-французская» (якуто-французская). Экспедиция по изучению погребальных комплексов якутов дохристианского времени работала на территории Якутии с 2002 по 2019 г.

¹⁴ В некоторых работах неверно указан Жерский наслег (напр., Бравина и др., 2021, с. 100). Это связано с тем, что именно здесь проходит граница Жерского и Октёмского наслегов.

с. 40), А.Н. Алексеева и Р.И. Бравиной (Алексеев, Бравина, 2022, с. 119; Бравина, и др., 2021, с. 100), а также наших публикациях (Duchesne et al., 2020, с. 122; Иванов, 2023, с. 157). При этом ни в одной статье не дано развернутого описания захоронения, оно лишь упомянуто в общем контексте работ, посвященных, в частности, якутскому керамическому комплексу или использованию якутами бересты в погребальных обрядах. При этом Октямское захоронение по-прежнему остается нерядовым случаем в по-гребальной практике якутов XVII в., прямые аналогии которому отсутствуют до сих пор (Константинов, 1971; Бравина, Попов, 2008; Якуты..., 2012; Мир древних якутов, 2012; История Якутии, 2020).

Настоящая публикация преследует своей целью максимально широкое введение в научный оборот имеющихся в нашем распоряжении материалов, чтобы заинтересованные стороны (ученые, краеведы, музейные работники, сотрудники органов государственной охраны объектов культурного наследия, и др.) могли иметь доступ к первоисточнику. Сами материалы захоронения хранятся в Музее археологии и этнографии СВФУ им. М.К. Аммосова (г. Якутск).

Рис. 1. Административные границы Хангаласского района Республики Саха (Якутия) с указанием с. Октямцы, в пределах которого находится Октямское коллективное захоронение [в программе Яндекс.Карты]. Масштаб: в 1 см — 15 км. Автор — Н.С. Кирьянов

Fig. 1. Administrative boundaries of the Khangalassky district of the Republic of Sakha (Yakutia) with indication of S. Oktemtsy, within which the Oktyomskoe collective burial is located [in the YandexMaps program]. Scale: 1 cm — 15 km. Author — N.S. Kiryanov

Результаты

Месторасположение захоронения и история его открытия

Октёмское захоронение расположено на территории Октёмского наслега Хангаласского района в центральной части Республики Саха (Якутия) и приурочено к 47 км региональной дороги «Умнас» на участке Якутск — Покровск (рис. 1). В месте, где дорога сворачивает на восток, расположен безымянный дореволюционный погост конца XIX — начала XX в., названный нами Октёмским. Само захоронение удалено от указанного погоста на 450 м к юго-востоку. В географическом плане захоронение относится к террасе левого берега старицкого русла реки Улах (Уулаах), где участок имеет форму треугольного выступа, а река распадается на два рукава. Таким образом, река выступает в качестве естественной преграды, образуя четко локализованную местность. С данной территории с севера и северо-востока хорошо просматриваются коренной берег р. Лена и горнолыжная база «Техтюр», с юго-восточной стороны — с. Октёмцы (рис. 2).

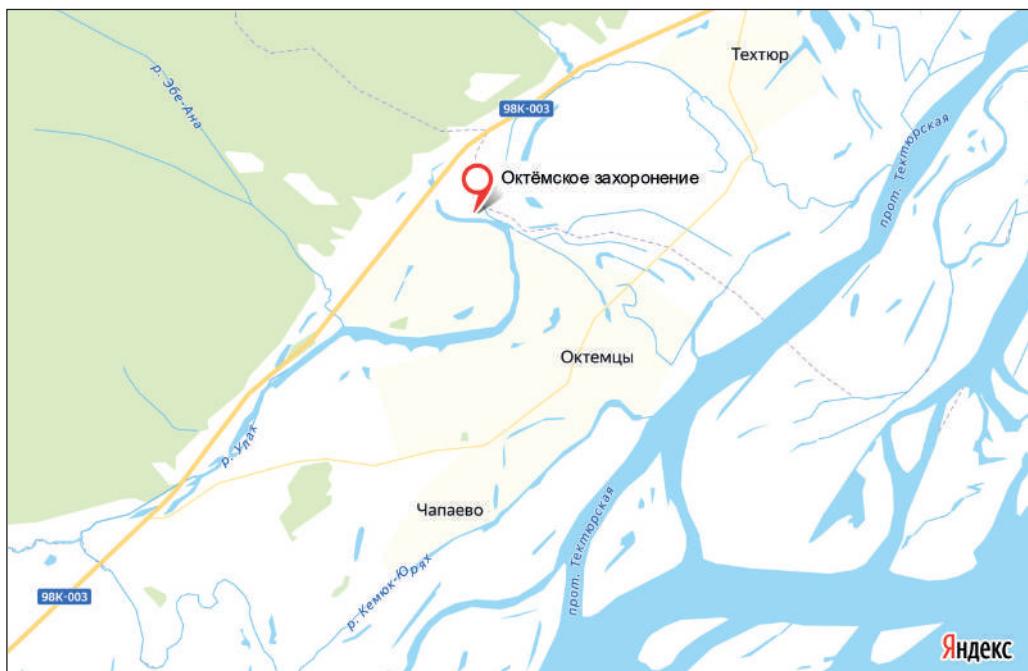

Рис. 2. Месторасположение Октёмского коллективного захоронения в пределах Октёмского наслега Хангаласского района Республики Саха (Якутия) [в программе Яндекс.Карты].

Без масштаба. Автор — Н.С. Кирьянов

Fig. 2. The location of the Oktemsky collective burial within the Oktemsky nasleg of the Khangalassky district of the Republic of Sakha (Yakutia) [in the YandexMaps program]. Without scale. Author — N.S. Kiryanov

Захоронение впервые открыто В.В. Поповым и С.К. Колодезниковым в ходе разведки 2016 г. и изучалось коллективом MAFSO15 в том же году. Памятник находится на участке первой надпойменной террасы р. Улах высотой около 5 м от уреза (по состоянию на лето 2016 г.). Могильный провал подпрямоугольной формы размером 1,4×2,9 м ориентирован по направлению террасы «запад-восток» и залегает на глубине 5–15 см (здесь и далее глубина указана от дневной поверхности).

В 2018–2019 гг. в этой же местности в 320 м к северу от коллективного захоронения археологической экспедицией ИГИиПМНС СО РАН под руководством В.В. Сыроватского и Е.Н. Николаева открыто и изучалось поселение Улах XVIII–XIX вв., где обнаружено большое количество следов и остатков железоделательного производства в виде обширного количества находок плавильного шлака, фурм, стенок горна, а также керамики и пр. (Николаев, 2020, с. 35). По сведениям В.Л. Серошевского (1896 г.), где-то здесь находился поселок железоплавильщиков: «недалеко от Техтурской станции в Октемском наслеге Западно-Кангалацкого района» (Серошевский, 1993, с. 367).

Описание берестяной погребальной камеры

К началу работ в могильном провале наблюдались остатки деревянной трухи. Могильное пятно размером 1–1,3×2,6–2,9 м по своим очертаниям совпадает с провалом и отмечено на глубине 20 см. На глубине 58–63 см выявлена берестяная погребальная камера, относящаяся, по классификации Р.И. Бравиной и соавторов (2021, с. 95–100), ко II типу II варианта использования якутами бересты в захоронениях в XV–XVII вв. в виде прямоугольного пакета размером 1,3×2,5 м, сложенного из верхнего и нижнего прошитых берестяных полотен, являющихся частями летнего якутского жилища крупной шатровой формы — *урасы*.

Сверху берестяную камеру закрывали продольно уложенные в два слоя доски (местами располагающиеся хаотично), тесанные, вероятно, топором и скобелем, в общем количестве 16 шт. (с учетом боковых) (рис. 3.-1). Ширина досок — 20–24 см, толщина — 1,5 см, длина варьирует в пределах от 150 до 234 см. После их снятия обнаружилось, что берестяная камера в трех местах скреплена тонкими кольями, завязанные тальниковыми (?) ремешками-прутьями. На боковой доске с южной стороны обнаружены вырезанные изнутри рисунки лошади со всадником и человека с бубном — «шамана» (подробное описание ниже).

Верхнее берестяное полотно — покрывало — двуслойное и состоит из двух полотнищ, диагонального и продольного, нижнее — подстилка — состоит из одного полотнища, положенного поперек. Оба полотна подогнаны под общий размер 1,2×2,5 м (рис. 3.-2). Между собой полотна не скреплялись.

Диагональное и продольное полотница верхнего полотна включали в себя по пять полос, поперечное — восемь. Полосы каждого полотнища соединялись между собой укладкой внахлест, когда нижняя полоса накладывалась на верхнюю. Полосы сшивались между собой прямым стежком в строку нитью толщиной 0,1–0,2 см из конского волоса. Каждая полоса состояла преимущественно из одного цельного пласта вытянутой прямоугольной формы длиной 1,2–2,5 (в отдельных случаях до 2,8) м и шириной

¹⁵ В состав MAFSO в 2016 г. входили Е. Crubézy, P. Gérard, S. Duchesne, V. Mougin, A. Géraut, C. Hochstrasser-Petit, Л.Г. Романова, Н.С. Кирьянов, В.В. Попов, С.К. Колодезников, Е.Н. Дивдевилова, А.Р. Федорова (Парфенова), С.И. Федоров, В.С. Хабаров.

19–30 см, снятого с одной крупностволовой бересклеты. В отдельных случаях полоса состояла из 2–3 различных пластов. На отдельных участках пластов имеются следы ремонта (берестяные заплатки).

Рис. 3. Октямское коллективное захоронение: 1 — выявленная берестяная погребальная камера сложенными сверху деревянными досками, 2 — характер верхнего берестяного покрываля камеры после снятия досок. Автор — Н.С. Кирьянов

Fig. 3. The Oktyomskoe collective burial: 1 — identified birch bark burial chamber with wooden planks placed on top, 2 — the nature of the upper birch bark covering of the chamber after removing the planks.
Author — N.S. Kiryanov

Описание костяков и сопроводительного инвентаря¹⁶

После снятия верхнего полотна зафиксировано коллективное антитезное захоронение из семи человек: взрослого мужчины, пятерых детей (от 1 года до 8 лет) и подростка (12 лет) (рис. 4.-1–2). Нумерация костяков указывается по мере их обнаружения: в западной части — №1, №2, №7, №3, в восточной — №4, №5, №6. Судя по их расположению, сначала в западной части положен мужчина (№1), затем маленькие дети (№2 и №7), затем ребенок (№3), после в восточной — более взрослые дети (№5 и №6). В какой последовательности был положен маленький ребенок (№4), установить не представляется возможным из-за отсутствия тазобедренных костей и ног костяка (рис. 5).

Костяки сильно сдавлены, кости кальцинированы и практически рассыпаются в труху, вследствие чего их точные половозрастные характеристики определить не всегда представляется возможным (рис. 6–7). В антропологическом отношении черепа костяков №1 и №7 морфологически предварительно отнесены к европеоидам (?) (Rapport, 2016, p. 71). Расовая принадлежность и родственность костяков в настоящий момент не установлена¹⁷.

Костяк №1. Мужчина 30–35 лет, длина костяка 167 см. Костяк расположен по центру камеры и находится между костяками №7 и №3. Руки вытянуты вдоль тела и чуть согнуты в локтях, головой мужчины ориентирован на запад, а лицом смотрит на север. На черепе в правой височной части четко зафиксирован круглый след (отпечаток) диаметром около 10 см от металлического диска *туосахта*, являющегося частью традиционного якутского головного убора с рожками (рис. 5.-1). В центре диска отмечена сохранившаяся накладная восьмилепестковая бляшка зеленого цвета диаметром около 2 см, сам диск не сохранился (рис. 6). Мужчина был одет в нательное белье с рукавами из конской кожи, поверх нее находилась, вероятно, верхняя наплечная одежда соболиным мехом наружу. Ноговицы, скорее всего, изготовлены из двойной кожи мехом наружу. Торбаза мужчины выполнены из лошадиного меха, при этом его торбаза и торбаза костяка №6 слиплись и с трудом отделяются друг от друга.

В области паха мужчины присутствуют истлевшие остатки наружной части мехового пояса (?) с разноцветным бисерным орнаментом (рис. 5.-2). Сохранившиеся размеры пояса: 15,1×20,8 см. Круглый бисер диаметром 0,4 см, в сочетании черного, белого и синего цветов, состоит из четырех рядов. Здесь же обнаружены другие детали: деревянная кляп-застежка (длина — 6,5 см, диаметр — max 0,8 см) (рис. 7.-1) и железная коррозированная подвеска в форме восьмерки (длина — 3,2 см, диаметр колец — 1,4 см) (рис. 7.-2), а также три железных кольца (диаметрами от 1,1 см до 1,4 см) (рис. 7.-3).

¹⁶ К сожалению, не все предметы сопроводительного инвентаря хорошо сохранились для их последующей камеральной обработки, отчего в публикации используются в основном полевые фотографии предметов в момент их обнаружения и фиксации. Несмотря на проводимую консервацию, практически все железные и наиболее крупные деревянные предметы не сохранили свой первоначальный облик.

¹⁷ Определение половозрастных характеристик костяков проводилось профессором антропологии и археологии Университета III им. П. Сабатье (г. Тулуза, Франция) Эриком Крюбези (E. Crubézy) и судебным экспертом Института судебной медицины (г. Страсбург, Франция) Анни Жеро (A. Géraut). Определение состава меха и тканей одежды и ее возможного фасона проводил кандидат исторических наук, этнограф, научный сотрудник Тандинского историко-архитектурного музея им. И.П. Готовцева (с. Танда, Усть-Алданский район РС(Я)) Сергей Колодезников (1962–2020 гг.).

Рис. 4. Октыомское коллективное захоронение. Характер трупоположения семи человек и размещения сопроводительного инвентаря: 1 — вид с юго-восточной стороны; 2 — вид с юго-западной стороны. Автор — Н.С. Кирьянов

Fig. 4. The Oktyomskoe collective burial. The nature of the corpses of seven people and the placement of the accompanying inventory: 1 — view from the south-east side; 2 — view from the south-west side.
Author — N.S. Kiryanov

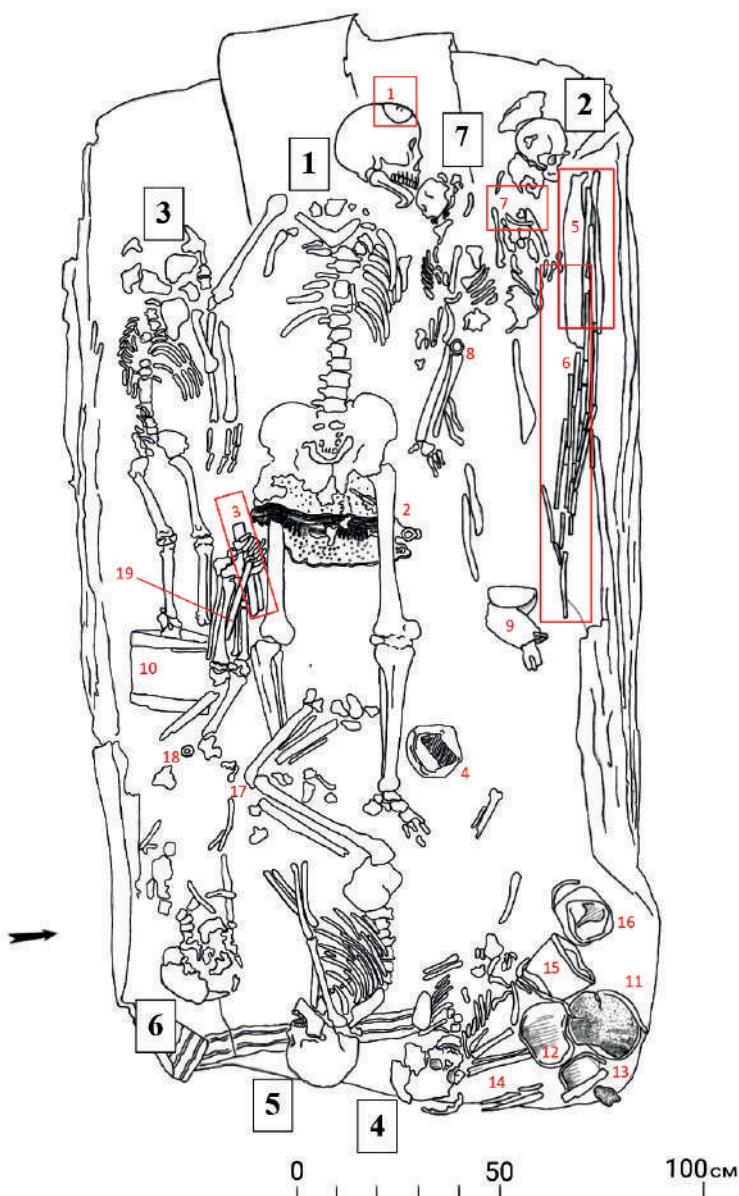

Рис. 5. Октыёмское коллективное захоронение. Графическая прорисовка костяков и сопроводительного инвентаря. Чёрными цифрами указан порядковый номер костяка, красными — порядковый номер описания инвентаря в тексте. Масштаб: в 1 см — 10 см.

Авторы — Г.М. Свинобоев, Н.С. Кирьянов

Fig. 5. The Oktyomskoe collective burial. Graphic drawing of skeletons and accompanying inventory. The black numbers indicate the ordinal number of the skeleton, and the red numbers indicate the ordinal number of the inventory description in the text. Scale: 1 cm — 10 cm. Authors — G.M. Svinoboev, N.S. Kiryanov

Рис. 6. Октёмское коллективное захоронение. Отпечаток диска туосахта на правой височной части черепа взрослого мужчины (костяка №1). Съемка с северной стороны.

Автор — Н.С. Кирьянов

Fig. 6. The Oktyomskoe collective burial. The imprint of the tuosakht disk on the right temporal part of the adult male's skull (the skeleton №1). Shooting from the north side. The author is N.S. Kiryanov

В области правой берцовой кости зафиксирован железный нож с деревянной рукояткой в берестяных ножнах (рис. 5.-3). Клинок сильно коррозирован и расслоился, рукоятка высохла. Ножны имели сквозные отверстия для фиксации. Длина ножен — 20 см, толщина — 0,2 см, длина ножа с рукояткой — 23,7 см, размеры рукоятки — 10,2×3×0,7 см. Определить ширину и толщину клинка не представляется возможным.

У левой ноги мужчины имеется невысокий берестяной сосуд круглой формы (рис. 5.-4). Сосуд опоясывает орнамент в виде восьмерки в прямоугольнике, орнаментированном ромбовидными узорами. Высота сосуда — 6,2 см, диаметр — 11,9 см, толщина стенок — 0,4 см (рис. 8).

Вероятно, именно мужчине принадлежат положенные в северо-западную часть камеры (за костяком №2, ближе к стенке) пальма батыйа (или батас) и 10 стрел с наконечниками (рис. 5.-5-6). Размеры пальмы: общая длина — 71 см, длина лезвия — около 38 см (рис. 9). Наконечники стрел представлены следующими типами (Rapport ..., 2016, с. 71): четыре костяных наконечника с вытянуто-удлиненным треугольным в сечении пером без пирамидального острия (рис. 10.-1, 3-4, 8) — IV тип по А.И. Гоголеву (1990, с. 98–99); одна стрела с томаровидным деревянным наконечником и шило-видным острием (рис. 10.-2); два композитных наконечника, сочетающие деревянные

томары с костяными насадками (набалдашниками) (рис. 10.-5-6); два деревянных томара (рис. 10.-7, 9) и одна деревянная стрела с цилиндрическим острием (рис. 10.-10) (аналогии: Васильев, 1995, с. 87). Все указанные наконечники являются охотничими.

*Рис. 7. Октёмское коллективное захоронение. Сопроводительный инвентарь костяка №1:
1 — деревянная кляп-застежка, 2 — коррозированная железная подвеска, 3 — коррозированное
железное кольцо. Автор — P. Gérard*

Fig. 7. The Oktyomskoe collective burial. The accompanying inventory of the skeleton №1: 1 — wooden gag fastener, 2 — corroded iron pendant, 3 — corroded iron ring. Author — P. Gérard

Костяк №2. Ребенок 2,5–3 лет, точная длина костяка не поддается измерению. Костяк расположен в северо-западном углу камеры. Лежит на спине, ориентирован головой на запад, лицом на север. Ребенок был обвязан скрученной из конского волоса веревкой и перетянут в двух местах (такое применялось для транспортировки мертвого тела). Одет в верхнюю одежду из жеребячьей кожи, подбитой изнутри заячьим мехом. Наружная часть головного убора ребенка имела кожаную основу, на которую был сверху нашит мех соболя по контуру капора (окантовка), изнутри убор был оформлен подкладом из заячьего меха. На шее зафиксирована шейная гривна *кылды* без петелек из перекрученного медного дрота круглого сечения (I тип) (Саввинов, 2001, с. 44) (рис. 5.-7). Приблизительный диаметр гривны — 14,4 см, общая длина дрота — 38,5 см, размер сечения — 0,6 см (рис. 11).

Рис. 8. Октёмское коллективное захоронение. Сопроводительный инвентарь костяка №1.

Деформированный орнаментированный берестяной сосуд. Автор — P. Gérard

Fig. 8. The Oktyomskoe collective burial. Accompanying inventory of the skeleton №1. Deformed ornamented birch bark vessel. Author — P. Gérard

Рис. 9. Октёмское коллективное захоронение. Сопроводительный инвентарь костяка №1.

Железная пальма батыя с частью деревянной рукоятки. Автор — P. Gérard

Fig. 9. The Oktyomskoe collective burial. Accompanying inventory of the skeleton №1. An iron Palma batya with a part of a wooden handle. Author — P. Gérard

Рис. 10. Октямское коллективное захоронение. Сопроводительный инвентарь костяка №1.

Наконечники стрел. Автор — P. Gérard

Fig. 10. The Oktyomskoe collective burial. The accompanying inventory of skeleton №1. Arrowheads.

Author — P. Gérard

В области правой тазобедренной кости имеется медное кольцо от пояса диаметром 2,8 см, толщиной 0,3 см (рис. 5.-8). На ногах сохранились части торбазов, украшенные бисерным орнаментом, состоящим из пяти чередующихся рядов синего и белого цвета. Диаметр бисера — 0,4 см. Здесь же зафиксированы медная гирьковидная подвеска с небольшим конусообразным выступом и две белые бусины диаметром 0,8 см. Размеры гирько-видной подвески 1,4×0,7 см, диаметр основания — 0,7 см, размеры выступа 0,3×0,3 см.

У ног положена иссохшаяся деревянная посуда *матарчах* (рис. 5.-9). Тулово сосуда имеет орнамент в три ряда, который представляет собой круглую полуую штамповку. Высота матарчаха — 7 см, диаметр — 11 см. На донышке прослеживается следы крепления донышка и тулова сосуда. Посуда сильно деформирована, частично превратилась в труху, сдавлена.

Рис. 11. Октыомское коллективное захоронение. Сопроводительный инвентарь костяка №2.

Шейный обруч-грифна из медного перекрученного дрота. Автор — P. Gérard

Fig. 11. The Oktyomskoe collective burial. The accompanying inventory of skeleton №2. The neck band is a hryvnia made of a twisted copper dart. Author — P. Gérard

Костяк №3. Ребенок 5–6 лет, длина костяка 110–116 см. Сохранность костяка плохая, кости полностью кальцинированы. Ребенок расположен в юго-западном углу, лежит на левом боку вполоборота, одна рука вытянута вдоль тела и будто лежит под рукой костяка №1. Костяк ориентирован головой на запад, лицом к северу. Сохранились следы шапки с рожками. В ногах берестяная посуда: деформированный большой туес с деревянной ложкой внутри (рис. 5.-10). Размеры туеса: высота — 17 см, диаметр дна — 16 см, толщина стенок — 0,3 см (рис. 12.-3). Ложка цельновырезанная, сильно сдавлена. Ручка ложки в месте перемычки скручена тонкой берестяной полоской. Размеры ложки: длина ручки 8,5 см, черпала — 10,8×9,9 см, толщина 0,2–0,4 см (рис. 12.-6).

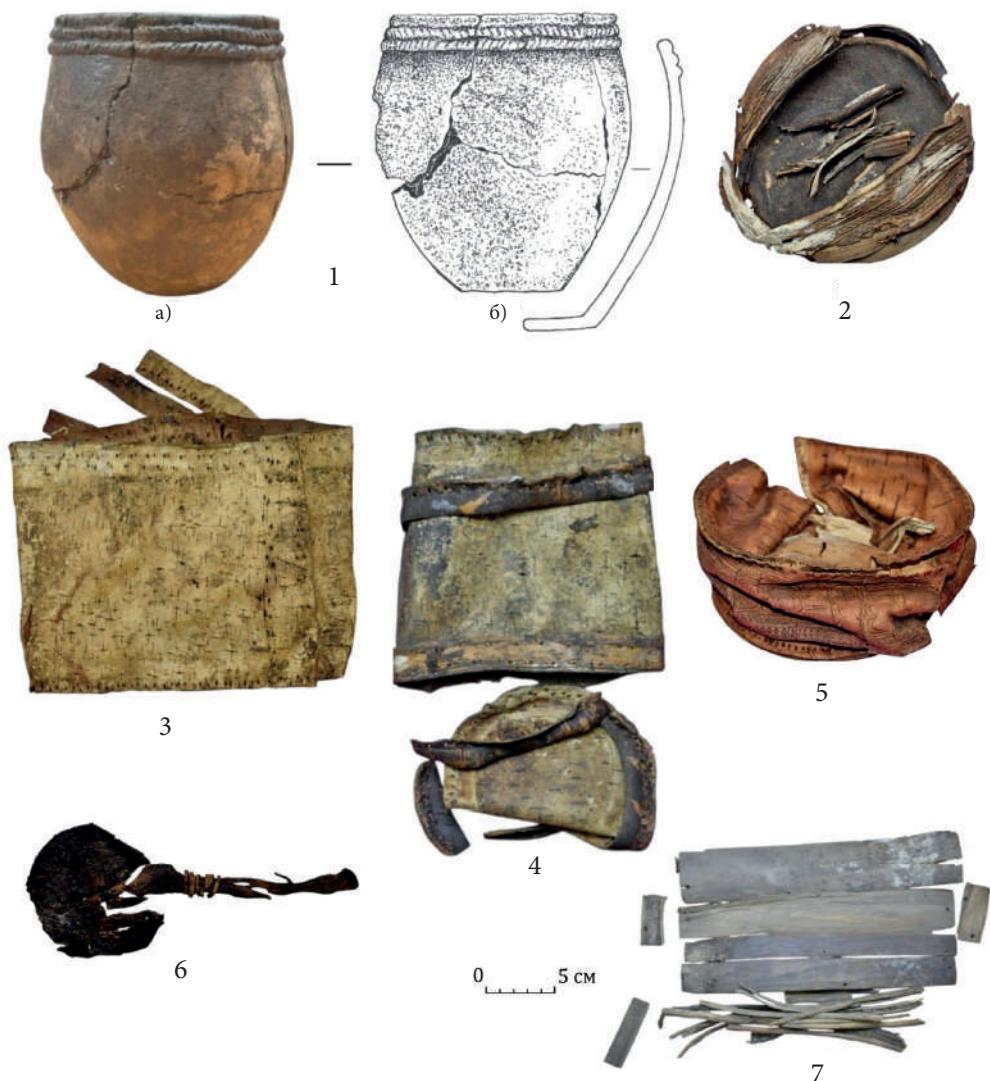

Рис. 12. Октыомское коллективное захоронение. Сопроводительный инвентарь:

1 — реконструированный керамический сосуд (а — натурная, б — графическая),
2 — деформированная деревянная чаша кытый; 3, 4 — деформированные берестяные туесы
больших размеров; 5 — деформированный берестяной туес среднего размера; 6 — деревянная
ложка; 7 — фрагменты деревянной шкатулки. Предметы 1, 2, 4, 5, 7 относятся к костяку №4,
предметы 3 и 6 — к костяку №3. Авторы — Р. Герард, А.А. Иванов, кроме 1б — Г.М. Свинобоев
*Fig. 12. The Oktyomskoe collective burial. Accompanying inventory: 1 — reconstructed ceramic vessel
(a — full-scale, b — graphic); 2 — deformed wooden bowl; 3, 4 — deformed birch bark tuves of large size;
5 — deformed birch bark tuve of medium size; 6 — wooden spoon; 7 — fragments of a wooden box. Items
1, 2, 4, 5, 7 belong to skeleton №4, items 3 and 6 belong to skeleton №3. Author — P. Gérard, A.A. Ivanov,
except for 1b — G.M. Svinoboev*

Костяк №4. Ребенок 3 лет, точная длина костяка не поддается измерению. Расположен в северо-восточном углу камеры рядом с костяком №5. Сохранилась только верхняя часть тела. Ребенок лежит на спине, руки покоятся на тазу, ноги вытянуты. Костяк ориентирован головой на восток, лицом на север. Вероятно, был одет в наплечную одежду, изготовленную из соболиных шкурок. В северо-восточном углу в области головы костяка расположены керамический сосуд (рис. 5.-11), три деревянные чаши *кытыйы* (одна рассохлась) (рис. 5.-12–13), деревянная прямоугольная коробка открытого типа (шкатулка) (рис. 5.-14) и два берестяных сосуда (рис. 5.-15–16).

Керамический сосуд *кулун-атахского* (позднесредневекового) облика — гладкостенный, толстостенный, плоскодонный (рис. 12.-1). Профиль венчика прямой, срез прямоугольный. Под венчиком — два налепных валика, орнаментированные противоположно идущими косыми насечками. Соединение туловища с донышком формирует угол приблизительно в 130°. На внутренней стороне сосуда заметен слой пригоревших остатков пищи. Оттенок керамики как с внешней, так и с внутренней стороны — коричневый, а на изломе наблюдается неоднородность цвета — от коричневого до темно-коричневого. Тесто плотное, включает в себя добавки песка различной зернистости и дресвы.

Размеры сосуда: высота — 14,8 см, толщина стенок — 0,7 см, диаметр устья — 11,8 см, диаметр днища — 5,2 см. Аналогичные сосуды отмечены в кулун-атахских поселениях XIV–XVI вв. *Куоладымы* в Сыланском наслеге Чурапчинского района и *Сырдык Сүлүс* в Бологурском наслеге Амгинского района (Гоголев, 1990, с. 131, табл. VI, рис. 16; с. 145, табл. XX, рис. 3–4).

Деревянные чаши *кытыйы* заметно сдавлены. Особый интерес представляет первая чаша, имеющая орнамент в семь рядов (рис. 12.-2). Отсчет идет с верхнего ряда: первый, третий и пятый ряды представляют собой вертикальный зигзагообразный орнамент, ширина орнамента 0,3 см, расстояние между ними 0,7 см; второй, четвертый и шестой ряды выполнены горизонтальным линейным орнаментом в три ряда, седьмой представляет собой круглую штамповку, диаметр штамповки 0,5 см, а расстояние между ними 0,3 см. На донышке прослеживаются следы крепления донышка и туловища чаши маленькими деревянными гвоздиками. Донышко имеет поддон высотой 0,7 см.

Вторая чаша цельновырезанная и по форме напоминает низкую миску (рис. 13). Размеры первой и второй чаш (третья не поддается измерению из-за сильной ветхости): высота — 5,2 и 3,3 см, толщина — 0,7 и 0,6 см, диаметры дна — 9,5 и 14,4 см.

Берестяные туеса также деформированы, их размеры: высота — 12,5 и 11,5 см, диаметры — 12,6 и 10,4 см, толщина стенок — 0,4 и 0,3 см соответственно (рис. 12.-4, 5). Детали прямоугольной коробки закреплены маленькими деревянными чопиками. Размеры коробки: высота — 6,4 см, длина — 32,5 см, ширина — 7,1 см (рис. 12.-7).

Костяк №5. Подросток 12 лет, длина костяка 140–150 см. Костяк расположен у южной стенки камеры по центру, между костяками №4 и №6. Костяк лежит на левом боку с подогнутыми ногами, руки вытянуты и положены между ног. Подросток ориентирован головой на восток, лицом смотрит на юг. Верхняя плечевая одежда, изготовленная из соболиных шкурок, имеет подклад изнутри, уплотненный в два слоя заячьим мехом. Нательное белье выполнено из конской кожи. Натазник, вероятно, также был изготовлен из соболиных шкурок.

У костяка обнаружены железная коррозированная прямоугольная пряжка со сломанным язычком ($4,9 \times 3,5$ см, толщина — 0,6 см), а также биконьковая медная подвеска с налипшим мехом коричневого цвета (рис. 5.-17). Подвеска сломана на две части. Основание подвески имеет ножку в виде кольца. Длина подвески — 5,3 см, размеры биконьковой части (основания) — $2,1 \times 4,1$ см.

Рис. 13. Октыомское коллективное захоронение. Сопроводительный инвентарь костяка №4.

Деформированная деревянная чаша кытыя. Автор — P. Gérard

Fig. 13. The Oktyomskoe collective burial. Accompanying inventory of the skeleton №4. Deformed wooden bowl kytyya. Author — P. Gérard

Костяк №6. Ребенок 8 лет, длина костяка около 150 см. Костяк расположен в юго-восточном углу камеры, лежит на правом боку, ноги немного согнуты. Ребенок ориентирован головой на восток, лицом обращен к северу. В тазобедренной части найдено пять железных колец, три из которых коррозированы, являющихся вероятно, частью пояса или ноговиц (диаметр колец — от 1,5 до 2,7 см, толщина — 0,3 см) (рис. 5.-18). На левой ноге ребенка находится железный сильно коррозированный нож с деревянной раслаивающейся рукояткой (рис. 5.-19). Длина клинка — 10,6 см, длина рукоятки — 9,6 см. Имеются остатки торбазов, но их точный облик неясен.

Костяк №7. Младенец около 1 года, длина не поддается измерению. Костяк сильно раздавлен, расположен между костяками №1 и №2. Младенец ориентирован головой на запад, лицом обращен на север (?). Одежда не сохранилась. При младенце отмечены два неопределенных коррозированных шарика неясного назначения, диаметром 1,0 и 1,2 см соответственно.

Обсуждение и аналогии

В соответствии с отличительными признаками раннеякутских погребений XIV–XVII вв., разработанных в работе Р.И. Бравиной и В.М. Дьяконова (2015, с. 31), к ним относятся небольшая глубина могильной ямы (до 50 см), преимущественно западное направление ориентировки захоронения, наличие берестяной погребальной камеры, скорченное трупоположение (преимущественно на боку), керамическая посуда. Все это очевидно отмечается и в Октёмском захоронении. К началу XVIII в. эти признаки полностью исчезают: глубина ямы становится больше (от 70 до 120 см), ориентировка сменяется в основном на север, погребенные покоятся главным образом на спине в прямоугольном деревянном гробу из плах, посуда — в основном железная и медная (Константинов, 1971).

Что касается якутских коллективных¹⁸ захоронений XVII–XIX вв. (более ранние пока не обнаружены), то, как отмечалось нами ранее (Кирьянов, 2017, с. 77–78), они составляют на сегодняшний день наименьший процент от общего количества исследованных погребений — всего шесть¹⁹ (с учетом исследуемого Октёмского) из более чем 400 ныне выявленных:

1. *Кытах Кюрюё* (XIX в.) — 4 чел. (Чурапчинский район РС(Я), 1965 г.) (Константинов, 1971);
2. *Охтобут (Шаманское дерево)* (XVIII в.) — 5 чел. (Чурапчинский район РС(Я), 2004 г.) (Мир древних якутов, 2012);
3. *Лепсей-II* (XIX в.) — 3 чел. (Верхоянский район РС(Я), 2011 г.) (Кирьянов, 2015);
4. *Чапаево-I* (XVIII–XIX вв.?) — 3 чел. (Хангаласский район РС(Я), 2017 г.), не опубликовано. Материалы хранятся в МАЭ СВФУ (г. Якутск).
5. *Ус Тиит* (XVIII–XIX вв.?) — 4 чел. (Намский район РС(Я), 2024), не опубликовано. Материалы хранятся в Лаборатории археологии ИГИиПМНС СО РАН (г. Якутск), автор раскопок — В.В. Сыроватский.

Из вышеизложенного видно, что Октёмское захоронение является самым многочисленным из них и наиболее ранним. Погребения Лепсей-II (молодая женщина 25 лет с двумя новорожденными) и Чапаево-I (две женщины с младенцем) имеют позу стандартного трупоположения позднего периода — на спине с вытянутыми ногами и скрещенными руками и в качестве прямых аналогий с Октёмским захоронением быть использованы не могут. Данные по памятнику Ус Тиит в настоящее время отсутствуют. Поэтому наиболее близкими по характеру являются погребения Кытах Кюрюё и Охтобут, на которых стоит остановиться более подробно.

Одно из первых коллективных захоронений обнаружено И.В. Константиновым в местности *Кытах Кюрюё*, где находились четыре костяка: положенные рядом старые мужчины и женщина и уложенные валетом по отношению к ним молодой мужчина

¹⁸ Под коллективным захоронением в настоящей работе мы понимаем совместное расположение в одной могильной яме или гробу трех и более умерших лиц, что подразумевает в большей степени однократность погребального процесса. Двойные (парные), ярусные и впускные в контексте данной работы к ним не относятся.

¹⁹ «Коллективное захоронение *Ойогос Тумула 2* (XIX в.) из трех человек, изученное MAFSO в 2008 г. в Нюрбинском районе РС(Я), не является якутским, а принадлежит представителям европеоидной народности (возможно, полякам) или ихmetisной группы» (Кирьянов, 2017, с. 78).

с ребенком. Данная семья отнесена к зажиточным по наличию богатой одежды, а также латунной плоской гривны образца XIX в. (Константинов, 1971, с. 43–44).

Следующее коллективное захоронение зафиксировано экспедицией MAFSO также в Чурапчинском районе РС(Я) в местности *Охтобут* (другое название — *Шаманское дерево*). Погребение состояло из пяти человек — молодого мужчины, мальчика 5 лет, двух женщин — пожилой и молодой и ребенка (от 1 до 4 лет). Мужчина и мальчик лежали вместе рядом, валетом по отношению к ним (как и в случае Кытах Кюрюё) обе женщины. Ребенок находился за пределами гроба справа в общей могильной яме. Данная семья тоже отнесена к числу зажиточных по богатству одежды и сопроводительного материала, а также наличию перстней-печаток со стилизованной символикой. Тела мальчика и женщин были укрыты кожаным покрывалом, а дополнительно сверху — берестяным. Сопроводительный инвентарь состоял из трех седел (одно — вьючное), деревянной посуды, одежды, декорированного бусами коврика, берестяных сумок с бусами и костяным инструментом для изготовления древков стрел, а также остатков трапезной или поминальной пищи (Бравина, Попов, 2008, с. 270–271; Мир древних якутов, 2012, с. 102–105).

В отличие от них Октёмское захоронение представляет собой пример антитезной ориентировки костяков №1–3 и 7 (головами на запад) и №4–6 (головами на восток) ногами к друг другу, что вызвано, безусловно, большей длиной внутримогильного сооружения — 2,5 м, чем это наблюдается в Кытах Кюрюё и Охтобуте. Подобное трупоположение в якутских погребениях XVII–XIX вв. еще не отмечалось.

Любопытной деталью захоронения являются вырезанные на одной из досок, положенной с краю у северной стороны камеры, рисунки лошади со всадником и человека с бубном («шамана»), что также ранее не отмечалось в погребениях данного времени (рис. 14.-1). В одной из работ опубликованное изображение человека с бубном в результате, видимо, непреднамеренной ошибки отнесено к погребению XV века Улах V (Алексеев, Бравина, 2022, с. 119, рис. 6.-2).

Лошадь размером 6,8×13,5 см изображена туловищем и мордой в профиль и ориентирована в правую сторону, с глубокими вырезами под животом и тонкими черточками, изображающими гриву. На шее висит колокольчик, а ниже — чепрак, который является характерным для якутских лошадей. На лошади верхом сидит схематично изображенный всадник размером 4,3×5,5 см, у которого отчетливо выделяются голова, приталенное туловище и руки-палочки (рис. 14.-2-Б). Выше лошади вырезан человек с бубном («шаман») размером 9×14 см, который стоит левым боком и имеет подчеркнуто «хрупкое телосложение». Его локти и кисти оформлены многочисленными спадающими резными линиями (напоминающими свисающую бахрому), держащими круг с шестью перекрестьями («бубен»). Голова имеет острую треугольную форму, а нижняя часть туловища напоминает отдаленно не то фартук, не то юбку (рис. 14.-2А).

Имеют ли данные рисунки особенный «мистический» смысл или созданы абсолютно без подтекста — вопрос остается открытым. На наш взгляд, усматривать в каждом изображении «реминисценции» (отсылки) преждевременно. Это возможно будет обсуждать, когда примеров погребений с подобными рисунками накопится достаточное количество и будет ясно, что это не случайность. При этом можно сделать наблюдение

ние, что расположение шамана в верхней части доски, а всадника на лошади — в нижней, соответствует традиционным якутским представлениям о жизни и смерти. Возможно, шаман был призван разделить «мир живых» и «мир мертвых», тем самым четко их разграничив. Всадник же на лошади может символизировать переход из одного мира в другой.

Рис. 14. Октыомское коллективное захоронение. Деталь доски, положенной сверху на берестяную погребальную камеру в ее северной части. Вырезанные с внутренней части доски рисунки лошади со всадником и человека с бубном — «шамана». Автор: 1 — P. Gérard, 2 — Г.М. Свинобоев

Fig. 14. The Oktyomskoe collective burial. A detail of a board placed on top of a birch bark burial chamber in its northern part. Drawings of a horse with a rider and a man with a tambourine, the "shaman", carved from the inside of the board. Author: 1 — P. Gérard, 2 — G.M. Svinoboev

Безусловно, версия о некой эпидемической причине смерти разновозрастных (и, возможно, разнополых) людей в Октёмском захоронении представляется наиболее убедительной. По данным С.А. Токарева, в середине и конце XVII в. в Якутии зарегистрировано три вспышки оспы: в 1652, 1659–1660 и 1691 гг. (Токарев, 1945, с. 403–404). По якутским преданиям, смерть по неестественным причинам относится к категории «дурной» смерти. Считалось, что это влияние вредоносной деятельности злых духов Нижнего мира *абаасы* (Бравина, 1996, с. 84). Страх или предосторожности перед умершими, проявляющиеся среди якутов, находят свое отражение во множестве погребальных ритуалов.

Характер сопроводительного инвентаря и одежды — витая гривна, наличие бисера и бусин, отпечаток диска *туосахта*, биконьковая подвеска, типология наконечников стрел, видовое разнообразие берестяной и деревянной посуды, шапки «с рожками», а также особенности трупоположения определено указывают на XVII в. (Константинов, 1971; Гаврильева, 1998; Гоголев, 1990, 1993; Бравина, Попов, 2008; Носов, 2010; Мир древних якутов, 2012; Якуты..., 2012; Петрова, Заболоцкая, 2013; Бравина, Дьяконов, 2015; История Якутии, 2020), за исключением керамического сосуда. Возможно, захоронение относится к самому началу русского периода в истории Якутии (2-я четверть XVII в.) или чуть позже. В настоящее время предпочтительней является датировка серединой XVII в. Наличие керамического сосуда, который типологически отнесен нами к кулун-атахской культуре Центральной Якутии (XIV–XVI вв.)²⁰, принципиально этой датировке не противоречит, поскольку мог использоваться достаточно долгое время.

Все это в совокупности с другими сведениями позволяет достаточно уверенно отнести Октёмское коллективное захоронение ко времени традиционной якутской культуры XVII в.

Заключение

Имеющиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют о том, что малочисленность якутских коллективных захоронений XVII–XIX вв. обусловлена главным образом внешними экстренными обстоятельствами, связанными, скорее всего, с болезнями эпидемического характера. В основной массе своей якутский погребальный ритуал носит индивидуалистический характер, что относится в том числе и к погребениям животных (лошадей) (Константинов, 1971; Серошевский, 1993; Бравина, 1996; Бравина, Попов, 2008; Мир древних якутов, 2012; Якуты..., 2012; Бравина, Дьяконов, 2015; История Якутии, 2020). Усматривать в этом исключительно ритуальный характер нам представляется пока необоснованным, хотя бы по той причине, что в известных нам исторических и этнографических источниках подобный церемониал совершения коллективного захоронения отсутствует. Все это говорит о том, что присутствие множества людей в одном гробу или могильной яме являлось скорее исключением из общего порядка, чем традицией.

²⁰ В «Истории Якутии» (2020, с. 210–223) первоначальные рамки кулун-атахской археологической культуры (XIV–XVI вв.) удревнены до периода X–XVI вв., что, по мнению одного из авторов (Н.С. Кирьянова), представляется необоснованным в связи с отсутствием ее верифицируемых памятников X–XIII вв. В настоящей работе используются подтвержденные хронологические границы данной культуры.

Октёмское коллективное захоронение XVII в. представляет собой уникальный памятник, где погребены в основном дети, имеющие, судя по составу одежды и сопроводительному инвентарю, некий привилегированный статус. Таких предметных свидетельств, касающихся места и положения детей и подростков в социальной среде традиционного якутского общества, пока немного. Наличие в захоронении классического керамического сосуда прежней (еще кулун-атахской) традиции наряду с бусами, бисером и металлическими изделиями, уже явно относящимися к Новому времени, подчеркивает преемственность и трансформацию погребальной практики в сложившихся для населения Центральной Якутии исторических условиях вхождения в состав Российской Федерации.

СЛОВАРЬ ЯКУТСКИХ ТЕРМИНОВ

Абаасы — злые духи из Нижнего Мира.

Батас — холодное колюще-рубящее боевое оружие типа «пальма» в виде большого ножа, насаженного на длинную деревянную рукоятку.

Батыя (батыйа) — холодное колюще-рубящее охотничье орудие, аналогичное батасу, отличающееся от него сравнительно малыми размерами.

Кылдыы (кылджы) — шейное украшение, преимущественно женское, в виде широкого металлического обруча, гринва.

Кытыя (кытыя) — деревянная долбленая чаша большой или средней величины.

Матарчах (матаарчах) — деревянный сосуд усеченной формы средней величины для хранения молочных продуктов.

Ноговицы — аналог голенищ от щиколоток до бедер из выделанной кожи, имели форму сужающихся книзу раструбов.

Торбаза (торбаса) — верхняя кожаная обувь на мягкой подошве.

Томар (тамар) — тупой охотничий наконечник стрелы цилиндрической формы из кости или дерева.

Туес — короб из бересты цилиндрической формы с крышкой или без нее.

Туосахта (туохта) — плоский металлический диск, иногда орнаментированный, нашиваемый на теменную часть головного убора, выполнял функцию оберега.

Ураса — летнее жилище якутов в виде высокого шалаша конической или шатровой формы из наклонно поставленных длинных жердей, плотно обтянутых оленьими шкурами, прошитыми кусками бересты, древесной корой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Алексеев А.Н., Бравина Р.И. Хунно-сяньбийский пласт в культуре якутов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. №1. С. 115–121.

Бравина Р.И. Погребальный обряд якутов (XVII–XIX вв.). Якутск : Изд-во Якутского университета, 1996. 232 с.

Бравина Р.И., Дьяконов В.М. Раннеякутские средневековые погребения XIV–XVII вв.: совокупность отличительных признаков // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. №3. С. 27–32.

Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.). Новосибирск : Наука, 2008. 296 с.

Бравина Р.И., Соловьева Е.Н., Петров Д.М., Сыроватский В.В. Береста в погребальном обряде якутов: по материалам погребения Учугей Юрях (XV–XVII вв.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. №3. С. 95–106.

Васильев Ф.Ф. Военное дело якутов. Якутск : Бичик, 1995. 224 с.

Гаврильева Р.С. Одежда народа саха конца XVII — середины XVIII века. Новосибирск : Наука, 1998. 168 с.

Гоголев А.И. Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV–XVIII вв.). Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1990. 192 с.

Гоголев А.И. Якуты: (Проблемы этногенеза и формирования культуры). Якутск : Изд-во ЯГУ, 1993. 200 с.

Иванов А.А. Керамика как элемент погребального обряда якутов: к постановке проблемы // Материалы LXIII Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых «300-летие Российской академии наук — археология и этнография Сибири: традиции, школы и открытия». Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2023. С. 156–158.

История Якутии: в 3 т. Т. I / под общ. ред. А.Н. Алексеева; отв. ред. Р.И. Бравина, Е.Н. Романова. Новосибирск : Наука, 2020. 536 с.

Кирьянов Н.С. Памятник Лепсей II в Верхоянском районе РС(Я) и фольклорные материалы И.А. Худякова // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015, №3. С. 32–38.

Кирьянов Н.С. Парные захоронения у якутов XVIII–XIX вв.: по материалам памятников Ыарылаах и Тысагастаах в Верхоянском районе Якутии // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2017. Т. 20. С. 77–99.

Константинов И.В. Материальная культура якутов XVIII в. (по материалам погребений). Якутск : Якуткнигоиздат, 1971. 212 с.

Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам саха-французской археологической экспедиции). Якутск : Издательско-полиграфический комплекс СВФУ, 2012. 226 с.

Николаев Е.Н. Отчет об археологических раскопках на поселении Улах в 2019 г. Якутск, 2020 // Архив ИА РАН. 88 с.

Носов М.М. Одежда и украшения якутов XVII–XX вв. : альбом. Якутск : Студия «TTL»: ЯНЦ СО РАН, 2010. 96 с.

Петрова С.И., Заболоцкая З.М. Народная одежда якутов. Новосибирск : Наука, 2013. 460 с.

Попов В.В. Саха-француз археологический-этнографический экспедициятын үлэгин түмүктэрэ (2004–2017 сс.) [Результаты работ Саха-французской археолого-этнографической экспедиции (2004–2017 гг.)]. Якутск : Кемюел, 2018. 120 с.

Саввинов А.И. Традиционные металлические изделия якутов: XIX — начало XX века (Историко-этнографическое исследование). Новосибирск : Наука, 2001. 172 с.

Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. М. : РОССПЭН, 1993. 714 с.

Токарев С.А. Общественный строй якутов XVII–XVIII вв. Якутск : Якутское государственное издательство, 1945. 426 с.

Якуты (Саха) / отв. ред. Н.А. Алексеев, Е.Н. Романова, З.П. Соколова. М. : Наука, 2012. 599 с.

Duchesne S., Bravina R., Popov V., Kolodeznikov S., Gérard P., Myglan V., Hochstrasser-Petit Ch., Romanova L., Petit M., Kiryanov N., Alexeev A., Alexeeva L., Riberon A., Crubézy E. Frozen Graves of Yakutia, a Chronological Sequence // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. №4. С. 120–130.

Rapport présenté par Eric Crubézy avec la collaboration de S. Duchesne et P. Gérard / Laboratoire AMIS-UMR 5288 — CNRS Université Paul Sabatier (Toulouse III), 2016. 160 p.

REFERENCES

- Alekseev A.N., Bravina R.I. The Hunno-Xianbian Stratum in the Culture of the Yakuts. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii = Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. 2022;1:115–121. (In Russ.)
- Bravina R.I. Funeral Rite of the Yakuts (the 17th–19th centuries). Yakutsk : Izd-vo Yakutskogo universiteta, 1996. 232 p. (In Russ.)
- Bravina R.I., Dyakonov V.M. Early Yakut Medieval Burials of the 14th–17th Centuries: a Set of Distinctive Features. *Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik = Northeastern Humanitarian Bulletin*. 2015;3:27–32. (In Russ.)
- Bravina R.I., Popov V.V. Funeral and Memorial Rites of the Yakuts: Sites and Traditions (the 15th–19th centuries). Novosibirsk : Nauka, 2008. 296 p. (In Russ.)
- Bravina R.I., Solovyova E.N., Petrov D.M., Syrovatsky V.V. Birch Bark in the Funeral Rite of the Yakuts: Based on the Materials of the Burial of Uchugei Yuryakh (the 15th–17th centuries). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii = Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. 2021;3:95–106. (In Russ.)
- Vasiliev F.F. Military Affairs of the Yakuts. Yakutsk : Bichik, 1995. 224 p. (In Russ.)
- Gavrileva R.S. The Clothes of the Sakha People of the Late 17th — mid 18th Century. Novosibirsk : Nauka, 1998. 168 p. (In Russ.)
- Gogolev A.I. Archaeological Sites of Yakutia of the late Middle Ages (the 14th–18th Centuries). Irkutsk : Izd-vo Irkut. un-ta, 1990. 192 p. (In Russ.)
- Gogolev A.I. Yakuts: (Problems of ethnogenesis and culture formation). Yakutsk : Izd-vo YAGU, 1993. 200 p. (In Russ.)
- Ivanov A.A. Ceramics as an Element of the Yakut Funeral Rite: towards a Problem Statement. In: Materials of the LXIII Russian (with international participation) Archaeological-Ethnographic Conference of Students and Young Scientists “300th Anniversary of the Russian Academy of Sciences — Archaeology and Ethnography of Siberia: Traditions, Schools and Discoveries”. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2023. Pp. 156–158. (In Russ.)
- The History of Yakutia: in 3 volumes. Vol. I / Under the general editorship of A.N. Alekseev; edited by R.I. Bravin, E.N. Romanov. Novosibirsk : Nauka, 2020. 536 p. (In Russ.)

Kiryanov N.S. Monument to Lepsey II in the Verkhoyansky District of the RS(Ya) and Folklore Materials by I.A. Khudyakov. *Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik = North-Eastern Humanitarian Bulletin*. 2015;3:32–38. (In Russ.)

Kiryanov N.S. Paired Burials among the Yakuts of the 18th–19th centuries: based on the Materials of the Sites of Yarylakh and Tysagastakh in the Verkhoyansky District of Yakutia. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarheologiya. Etnologiya. Antropologiya = Proceedings of Irkutsk State University. Series: Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology*. 2017;20:77–99. (In Russ.)

Konstantinov I.V. Material Culture of the Yakuts of the 18th century (based on the materials of burials). Yakutsk : Jakutknigoizdat, 1971. 212 p. (In Russ.)

The World of the Ancient Yakuts: the Experience of Interdisciplinary Research (based on the materials of the Sakha-French archaeological expedition). Yakutsk : Izdateľsko-poligraficheskiy kompleks SVFU, 2012. 226 p. (In Russ.)

Nikolaev E.N. On Archaeological Excavations at the Settlement of Ulakh in 2019. Yakutsk, 2020. In: Archive of IA RAS. 88 p. (In Russ.)

Nosov M.M. Clothing and Jewelry of the Yakuts of the 17th–20th Centuries. Album. Yakutsk : Studiya «TTL»: YANC SO RAN, 2010. 96 p. (In Russ.)

Petrova S.I., Zabolotskaya Z.M. Folk Clothing of the Yakuts. Novosibirsk : Nauka, 2013. 460 p. (In Russ.)

Popov V.V. Results of the Work of the Sakha-French Archaeological and Ethnographic Expedition (2004–2017). Yakutsk : Kemyuel, 2018. 120 p. (In Yakut)

Savvinov A.I. Traditional Metal Products of the Yakuts: the 19th — Early 20th Century (Historical and ethnographic research). Novosibirsk : Nauka, 2001. 172 p. (In Russ.)

Seroshevsky V.L. Yakuts. The Experience of Ethnographic Research. Moscow : ROSSPEN, 1993. 714 p. (In Russ.)

Tokarev S.A. The Social System of the Yakuts of the 17th–18th Centuries. Yakutsk : Yakutskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1945. 426 p. (In Russ.)

Yakuts (Sakha) / edited By N.A. Alekseev, E.N. Romanova, Z.P. Sokolova. Moscow : Nauka, 2012. 599 p.

Duchesne S., Bravina R., Popov V., Kolodeznikov S., Gérard P., Myglan V., Hochstrasser-Petit Ch., Romanova L., Petit M., Kiryanov N., Alexeev A., Alexeeva L., Riberon A., Crubézy E. Frozen Graves of Yakutia, a chronological Sequence. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii = Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. 2020;4:120–130.

Rapport présenté par Eric Crubézy avec la collaboration de S. Duchesne et P. Gérard / Laboratoire AMIS-UMR 5288 — CNRS Université Paul Sabatier (Toulouse III), 2016. 160 p. (In French)

ВКЛАД АВТОРОВ / CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Иванов А.А.: музейная и камеральная обработка материалов памятника, подготовка и составление описательной части основных характеристик захоронения, фотографирование, подбор этнографических примеров, подготовка и написание разделов «Результаты» и «Обсуждение и аналогии».

A.A. Ivanov: museum and desk processing of the site materials, preparation and compilation of the descriptive part of the main characteristics of the burial, photographing, selection of ethnographic examples, preparation and writing of the sections «Results» and «Discussion and analogies».

Кирьянов Н.С.: полевые археологические работы, описание памятника и его материалов, фотографирование, подбор аналогий, общее руководство работой, подготовка и написание разделов «Введение», «Результаты», «Обсуждение и аналогии», «Заключение».

N.S. Kiryanov: field archaeological work, description of the site and its materials, photographing, selection of analogies, general guidance of the work, preparation and writing of sections «Introduction», «Results», «Discussion and analogies», «Conclusion».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Иванов Артем Анатольевич, аспирант Алтайского государственного университета; младший научный сотрудник Арктического научно-исследовательского центра Республики Саха (Якутия), Якутия, Россия.

Artem A. Ivanov, postgraduate student of Altai State University, Junior Researcher at the Arctic Research Center of the Republic of Sakha (Yakutia), Yakutia, Russia.

Кирьянов Николай Сергеевич, кандидат исторических наук, директор ООО «Якутархеология», Якутия, Россия.

Nikolay S. Kiryanov, Candidate of Historical Sciences, Director of Yakutarchaeology Ltd., Yakutia, Russia.

*Статья поступила в редакцию 26.12.2024;
одобрена после рецензирования 12.02.2025;*

принята к публикации 01.04.2025.

The article was submitted 26.12.2024;

approved after reviewing 12.02.2025;

accepted for publication 01.04.2025.